

Глава 4. Твой брат?!

У порога Су Мо услышал приглушённую ругань Хань Дуна. Он не стал сразу открывать дверь — прислонился к стене и в сердцах взлохматил волосы.

«Парень или девушка?» Этот идиот всерьёз не понял, кто перед ним? У него что, глаз нет?

Су Мо сердито ворчал про себя. Совладав с эмоциями, он принял своё обычное невозмутимое выражение лица и толкнул дверь. Стоило ему войти, как он тут же столкнулся с ошарашенным взглядом Хань Дуна.

Всё было ровно так, как он и предполагал: гость смотрел на него во все глаза.

— Сяо Мо, ты вернулся, — Су Цзинь вышел из кухни и кивнул в сторону Хань Дуна, который застыл на диване, сжимая в руке яблоко. — Это Хань Дун. А это мой младший брат.

Су Мо едва заметно кивнул гостю и сразу прошёл в спальню. Но стоило двери закрыться, как напускная холодность испарилась — он снова нервно затеребил волосы.

В гостиной Хань Дун, всё ещё не оправившись от шока, ткнул пальцем в сторону закрытой двери:

— Это твой брат?

— Ага. Тот самый, что тем утром в звонок трезвонил, — Су Цзинь покосился на спальню и понизил голос: — Послушай, только не вздумай смотреть на него с жалостью. Веди себя как обычно. Он терпеть не может, когда его сочувствием обливают.

— Такой парень — и немой... — Хань Дун и представить не мог, что Су Мо не говорит. Он-то счёл его молчание за высокомерие и нежелание снисходить до общения.

— Сяо Мо, выходи обедать! — крикнул Су Цзинь и отправился на кухню за приборами.

Дверь спальни тихо скрипнула. Хань Дун пристально наблюдал за вышедшим Су Мо, а когда тот поравнялся с ним, бесцеремонно преградил путь, оглядывая парня с ног до головы.

— Я Хань Дун. Вчера... ну, вышло недоразумение. Ты... А, ладно, забыл, что хотел сказать.

Махнув рукой, Хань Дун направился к столу:

— Ух ты, а пахнут баоцзы просто отпадно!

Су Мо очень хотелось закатить глаза. Поколебавшись, он решил сесть не прямо напротив Хань Дуна, а чуть наискосок.

— Тебе укус нужен? — Су Цзинь принёс огромную миску с баоцзы. От горячих пышных булочек шёл такой аромат, что слюнки текли.

— Не люблю кислятину, — Хань Дун уже схватил одну булочку. — Баоцзы надо есть руками, так вкуснее. Твоя мама — мастер, честное слово.

— Моя мама по-другому не умеет, — Су Цзинь глянул на брата. — Сильно занят был с утра?

Су Мо качнул головой. Краем глаза он видел, как Хань Дун расправился с половиной булочки за один укус.

— Тот магазинчик у ворот комплекса — ваш? — спросил Хань Дун с набитым ртом.

— Да, уже несколько лет держим, — усмехнулся Су Цзинь. — Ты человек денежный, заглядывал бы к нам почаще, выручку делал.

— Ой, да без проблем, — Хань Дун подцепил палочками закуску. — Слушайте, первого октября планов нет? Куда рванёте?

— В следующем году Гаокао, — Су Цзинь посмотрел на брата. — Какие тут гулянки.

За все эти годы они, кажется, ни разу никуда не выбирались.

— Так до экзаменов ещё больше полугода, чего ты дёргаешься? — не унимался Хань Дун.

— Я в прошлый раз провалился. Если снова не поступлю, придётся опять на второй год оставаться.

Хань Дун на мгновение замер, не донеся палочки до рта.

— Слышал, тебя в какой-то медицинский брали. Почему не пошёл? Обязательно в этот городской, в Город Эс?

— В медицинском Города Эс отделение отоларингологии — лучшее в стране. Оттуда сразу в крупные больницы на стажировку берут. Мне нужно именно туда.

Су Цзинь выбрал медицину только ради брата. На самом деле учёба его тяготила, он всегда мечтал пойти в армию.

Су Мо поджал губы. Задумавшись, он потянулся за булочкой и случайно коснулся руки Хань Дуна. Баоцзы были горячими, но пальцы Хань Дуна казались ещё горячее. Су Мо отдернул руку, словно обжёгся, и наткнулся на тяжёлый, пристальный взгляд гостя.

— Почему у тебя руки такие ледяные? — спросил Хань Дун.

Су Мо быстро задвигал пальцами. Су Цзинь перевёл:

— У него часто так.

— Понятно, — Хань Дун кивнул и, положив булочку в тарелку Су Мо, больше не заговаривал с ним, сосредоточившись на болтовне с другом.

— Дун-цзы, может, и правда выберемся куда-нибудь первого числа? Недалеко, тут поблизости.

— Если не против, поехали в деревню. У моего дяди там свои уголья: ферма, фруктовый сад, водохранилище. Места — загляденье.

Су Цзинь толкнул брата локтем:

— Ну как? Поедешь?

Су Мо с привычно холодным лицом изобразил жестами:

— Посмотрим.

— Ну, посмотрим, так посмотрим, — согласился Су Цзинь.

Хань Дун поднял голову и уставился на семейное фото в рамке на стене. На снимке братья были ещё совсем маленькими. Он долго рассматривал детское лицо Су Мо, а потом перевёл взгляд на живой оригинал.

— Это вы мелкие? Твоя мать тогда была просто красавицей.

— Ещё бы, — улыбнулся Су Цзинь.

Хань Дун ухмыльнулся с едва заметным вызовом:

— А ты, выходит, в отца пошёл.

— Мой старик тоже был крут, — недовольно проворчал Су Цзинь.

Он и впрямь не был таким белокожим и утончённым, как брат, да и до харизмы Хань Дуна ему было далеко, хотя уродом он себя не считал. Хань Дун лишь усмехнулся в ответ и снова покосился на Су Мо. Тот ел аккуратнo, почти изящно — совсем не так, как его приятель.

Сентябрьская жара понемногу спадала, вечернее небо затянуло багряными облаками. Су Мо вынес табурет и уселся у дверей лавки, наблюдая, как дети на тротуаре прыгают в «классики». Их звонкий смех не смолкал ни на минуту.

— Су Мо, а брат где? — к нему подошёл Лян Цинь.

Су Мо жестами ответил:

— Дома, учится.

— Ясно, — Лян Цинь выложил два юаня. — Дай мне пару свечей и пачек пять спичек.

Су Мо вопросительно приподнял бровь:

— Зачем свечи?

— Бабушка привыкла. Свет вечером не включает, всё при свечах сидит, — Лян Цинь коротко улыбнулся. Разговаривали они редко.

Су Мо вынес товар. Протягивая сдачу, он мимоходом коснулся его ладони — никаких дурных видений не возникло, и он с облегчением выдохнул.

— Ну, я пойду, — Лян Цинь развернулся и тут же столкнулся с мальчишкой лет восьми-девяти. Тот чуть не сбил его с ног, и Лян Цинь уже хотел было прикрикнуть, но осёкся, увидев заплаканные глаза ребёнка.

— Это... кто?

Су Мо пояснил:

— Соседский, из нашего двора.

— Брат Мо, у меня нет денег... Можно мне пачку сигарет? Я в долг, — всхлипывая, выдавил мальчик.

Это был Тянь Сяюй. Его отец был тем ещё бездельником: нигде не работал, целыми днями пропадал за игорным столом, а дома вечно не хватало даже на аренду. Су Мо понимал — родители опять сцепились из-за денег, и ребёнка отправили «добывать» курево в долг.

Су Мо нахмурился, но всё же достал из-под прилавка пачку «Чанбайшаня». Тянь Сяюй вытер слёзы, поклонился и припустил прочь.

— Малыш так рыдал, прямо сердце разрывается... Ладно, бывай.

Вскоре после ухода Лян Циня зашла мать Су Мо.

— Видела, Сяюй опять в слезах убежал. Снова в долг просил?

Су Мо кивнул.

— Да когда же это кончится! Первый раз пожалели ребёнка, дали, так они теперь на шею сели. Сколько можно-то? — Су Моли недовольно поджала губы. — Отец ни гроша в дом не приносит, у матери зарплата — курам на смех. Не видать нам этих денег.

Су Мо развёл руками:

— Соседи всё-таки, как тут откажешь?

Ему было искренне жаль пацана. Как-то раз он видел, как тот стоял у дороги и заворожённо смотрел на продавца засахаренного боярышника, не в силах отвести взгляд.

— Тунейдцы несчастные, слов на них нет, — Су Моли принялась поправлять товар на полках. — А Лян Цинь за чем заходил?

— За свечами.

— Сирота, одна бабушка осталась. Тоже жизнь не сахар, — вздохнула мать. — У каждого своё горе.

В семь вечера вернулся Су Вэньгэ. Увидев свет в лавке, он заглянул внутрь:

— Сяо Мо, ты ещё не дома?

Су Мо жестами ответил:

— Порядок навою. Что-то ты сегодня поздно.

— Сверхурочные взял, — Су Вэньгэ поднял пакет, из которого потянуло аппетитным ароматом.
— Чувствуешь? Как раз на эти деньги купил вам, оболтусам, жареную утку.

— Опять тратишься, дома ведь мясо есть, — отозвалась из угла мать.

— Да пусть дети полакомятся.

В свете ламп морщины в уголках глаз Су Вэньгэ казались глубже, чем у жены. Годы тяжёлого труда сделали его кожу смуглой и загорбевшей, но в чертах лица всё ещё угадывалась былая стать.

— Ладно, в последний раз. Дорого ведь, — проворчала Су Моли.

— Договорились. Идём, Сяо Мо, пусть мать сама тут закрывает.

Су Мо зашагал следом за отцом. В тусклом свете уличных фонарей они шли молча. Су Вэньгэ не был силен в разговорах, но рядом с ним Су Мо всегда чувствовал себя как за каменной стеной.

Все эти годы, когда мать попала под сокращение, их дом держался лишь на плечах отца. Только недавно, с открытием лавки, стало полегче, но Су Вэньгэ всё равно работал на износ, стараясь обеспечить будущее сыновьям.

— Зябко?

— Нет.

На этом беседа закончилась.

Ночью Су Мо проснулся от барабанной дробы дождя по стеклу. Открыв глаза, он обнаружил, что Су Цзинь во сне перетянул на себя почти всё одеяло, оставив брата мерзнуть.

За окном то и дело вспыхивали молнии. Су Мо бесцеремонно отвоевал свою часть одеяла, откатил спящего брата к краю кровати и укрыл его как следует. Тот даже не шелохнулся — спал как убитый.

Су Мо перевернулся на бок, пытаясь отогнать странный сон, преследовавший его всю ночь. В

нём не было людей — только бесконечное шоссе и пустыри по обе стороны, похожие на глухую окраину города. Одно и то же видение, круг за кругом.

С тех пор как у него прорезался этот дар, сны стали сущим наказанием.

К утру гроза стихла, сменившись затяжной моросью. После завтрака Су Мо отправился сменить мать в лавке. Покупателей в такую погоду почти не было, и он устроился у входа с книгой, слушая шум дождя.

Около десяти к магазину подкатил чёрный седан — роскошный «Мерседес». Су Мо отложил книгу. Из машины вышел Хань Дун.

Надо признать, Хань Дун был чертовски хорош собой. Тёмные очки, кожаная куртка гонконгского фасона — от него веяло тем самым опасным, небрежным обаянием, которое так сводит с ума девчонок. Совсем не похож на обычного школьника.

Войдя, Хань Дун небрежно сдвинул очки на лоб, мазнул взглядом по Су Мо и принялся разглядывать витрину с сигаретами.

— Брат дома?

Су Мо не спеша подошёл к прилавку и написал на листке: «Да».

— Понятно. — Хань Дун поднял глаза и на мгновение встретился с ним взглядом. — Табак у вас точно настоящий?

Су Мо кивнул. Вообще-то он никогда не избегал зрительного контакта, но с Хань Дуном всё было иначе. Во-первых, тот сам не отводил глаз. Во-вторых, пропасть между их положением была слишком очевидной, и Су Мо чувствовал себя не в своей тарелке. С Лян Цинем было куда проще.

— «Чжунхуа» блоками есть? — Хань Дун лениво застучал пальцами по стеклу витрины.

Су Мо подтвердил кивком.

— Давай десять блоков.

Су Мо вскинул голову, в его глазах читалось явное изумление. Десять блоков элитных сигарет — это огромные деньги. У них даже обычный «Хунташань» редко брали целыми упаковками, что уж говорить о таком дорогом табаке.

— На подарки нужно, так что смотри, чтобы без обмана, — пояснил Хань Дун, заметив его замешательство.

Су Мо быстро написал: «"Чжунхуа" слишком дорогой. У меня сейчас только один блок».

— Тогда завтра завези, послезавтра заберу.

Хань Дун уже развернулся, чтобы уйти, но Су Мо перехватил его за локоть.

«Тебе не обязательно брать здесь. Я сам закупаюсь на оптовом складе».

Су Мо понимал, что Хань Дун делает это только ради его брата.

Хань Дун улыбнулся. Он вдруг навалился на прилавок, приблизив лицо к Су Мо так, что тот невольно отшатнулся от такого напора.

— Какая разница, кому отдавать деньги? Пусть лучше твой брат зарабатывает, чем кто-то чужой. Главное — чтобы всё было по-честному, иначе я тебе этого не спущу, — Хань Дун усмехнулся и бросил на стойку несколько крупных купюр. — Это аванс.

Су Мо растерянно смотрел на деньги, а Хань Дун уже запрыгнул в машину и скрылся, быстрее ветра.

Пришлось спрятать купюры в ящик под замок. Немалая сумма — отец за месяц вкалывания получал всего шестьсот юаней.

«И чего он несёт про "не спустит"? Мы же толком не знакомы...»

Как ни крути, а деньги дают невероятную свободу. Су Мо вздохнул — в этот миг на его лице промелькнуло чисто детское выражение, но стоило на пороге показаться очередному покупателю, как он тут же выпрямился, вернув себе привычный холодный вид.

— Мне пачку красной «Хунхэ».

<http://bllate.org/book/17506/1648682>